

ПОНЯТИЯ, КОТОРЫМИ ПОЛЬЗУЕТСЯ ИСТОРИК

— Меня зовут Алиса, а...
— Какое глупое имя,— нетерпеливо прервал ее Шалтай-Болтай.— Что оно значит?
— А разве имя должно что-нибудь значить? — проговорила Алиса с сомнением.
— Конечно, должно,— ответил Шалтай-Болтай.— К примеру, мое имя. Оно выражает мою суть!.. А с таким именем, как у тебя, ты можешь оказаться чем угодно...

Льюис Керролл
«Алиса в Зазеркалье»

Вот уж поистине диалог, который, не будь его, следовало бы придумать! «С таким именем, как у тебя, ты можешь оказаться чем угодно»,— негодует Шалтай-Болтай. «С таким именем, как у тебя, ты можешь оказаться чем угодно!» — бросает в раздражении историк практически любому понятию или термину, употребляемому в исторической науке.

Язык исторической науки чрезвычайно специфичен. В отличие от естественно-математических дисциплин она не имеет строго упорядоченной и определенной терминологии, исключаящей многозначность, двусмысленность, неясность понятийного аппарата.

С известной долей условности можно выделить три «ключа», питающие язык современной истории. Во-первых, это термины и понятия письменных (преимущественно) источников. Любой источник дает множество частных понятий, обязывающих историка установить их смысл, сферу применения и границы использования. Вот, например, краткий перечень терминов, употребленных всего в нескольких главах «Салической правды», записи обычного права салических франков начала VI в.: рейпус, вилла, тунгин, центенарий, малюс, аффатомия, рахинбург, аллод, граф, саце-барон, королевский сотрапезник, трибу-тарий, посессор...

Во-вторых, это термины и понятия, вырабатываемые в историографии для упорядочения, систематизации разнородного эмпирического материала. Широта обобщения может быть различной: от, скажем, понятий сословного представительства, абсолютизма, ранней тирании, принцепата, промышленного переворота до категорий средневековья, феодализма, цивилизации.

Наконец, в-третьих, это понятия и категории, на высоком уровне абстракции формируемые иными социально-гуманитарными науками: социологией, философией, антропологией, культурологией. Историк широко пользуется этими понятиями (государство, общество, культура, политика, классы, социальная стратификация, социальная мобильность), как правило, наполняя их конкретным содержанием и несколько снижая степень абстрактности, им свойственную.

Печать зыбкости и многозначности лежит на исторических понятиях независимо от того, какими путями они пришли в язык историка, сколь широкий круг конкретных явлений и фактов они отражают. Терминология источников от этого, казалось бы, должна быть свободна. Но это не так, во всяком случае применительно к большинству понятий. Слово «вилла» «Салической правды» одними трактуется как термин, обозначающий земледельческую общину франков, для других это индивидуально-семейное домохозяйство. Сложность и в том, что время, сохраняя слова, часто меняет их значение. «Вилла» времен расцвета античной рабовладельческой экономики — среднее по размеру, интенсивное, высокотоварное хозяйство; вилла современной эпохи — загородный особняк. «Самолет» в языке XVIII в. — не авиалайнер конца нашего столетия и не летательный аппарат вообще. «Буржуазия» XII в. ничем не похожа на «буржуазию», совершавшую революции в XIX в., кроме того, пожалуй, что ее представители жили в городах, тоже, впрочем, разительно отличавшихся от современных.

Казалось бы, можно избежать неточности в словоупотреблении, если говорить терминами источников, не пытаясь найти им подходящий эквивалент. Ведь в конце концов они — порождение той самой реальности, познать которую хочет историк. Увы, этот путь невозможен. Первой жертвой становится именно познаваемая реальность прошлого: нельзя пробиться к ней, не дав интерпретации терминов, ее отражающих, не включив их в систему более общих понятий и категорий. «Полагать, что терминологии до-

кументов вполне достаточно... означало бы допустить, что документы дают готовый анализ. В этом случае истории почти ничего не осталось бы делать. К счастью, это далеко не так» (М. Блок).

Поэтому словарь историка богат понятиями, которые призваны закрепить результаты анализа, классификации, интерпретации и синтеза эмпирического материала и отразить достигнутое понимание сути изучаемых явлений. Слова как таковые при этом редко изобретаются заново. Чаще происходит изменение смысла уже существующих понятий, полностью или частично заимствованных из изученных источников или языка более позднего времени. Прогресс науки обязательно приводит либо к уточнению смысла этих категорий, либо к новому их пониманию.

Традиция при этом цепко удерживает исконный смысл и значение употребляемых терминов. Многие понятия исторической науки уже в силу этого практически всегда являются дискуссионными. Жар дискуссий подогревается и тем обстоятельством, что историки, придерживающиеся разных, иногда диаметрально противоположных взглядов, пользуются единой терминологией. Различие выводов, оценок, подходов обычно не «взрывает» понятие. Оно сохраняется, но всякий раз наполняется новым содержанием.

Что такое феодализм? Говорят о существовании не менее дюжины различных интерпретаций этого общепотребительного термина.

Что такое цивилизация? В 1930 г. увидела свет статья французского историка Люсьена Февра, посвященная исследованию эволюции этого понятия на протяжении XVIII—XIX столетий. Сегодня слово «цивилизация» применительно к характеристике исторического процесса не сходит с уст историков, вынужденных в то же время признавать, что «среди специалистов нет единства относительно того, что подразумевать под цивилизацией и цивилизациями» (М. В. Дмитриев). Даже если отбросить первоначальное обыденное значение понятия (как синонима воспитанности, светскости, умения непринужденно держать себя в обществе), остается множество различных его восприятий:

цивилизация как стадия общественного развития, следующая за дикостью и варварством;

цивилизация как стадия общественного развития, открывающаяся переходом к пашенному земледелию и завершающаяся промышленным переворотом;

цивилизация как состояние общества, признающего ценности мира, экономического процветания, порядка и закона;

цивилизация как совокупность уникальных проявлений общественных порядков, отличающих одни исторические общности от других;

цивилизация как предельно широкое понятие, обозначающее всю совокупность проявлений и предпосылок жизни человеческого общества.

И это не исключение — таково правило терминологии истории. Что такое абсолютизм? Что понимать под промышленным переворотом? Каково значение понятий средние века, Возрождение, эллинизм? За каждым вопросом о термине — проблема исторического познания, не столько терминологическая, сколько проблема сути, смысла, концепции. И всякий раз, размышляя о содержании того или иного понятия исторической науки, историк оказывается перед необходимостью обратиться к категориям более широким и абстрактным, общим для всех отраслей социально-гуманитарного знания.

Вне этих категорий познание истории как целостной реальности прошлого немислимо: государство, общество, власть, собственность, культура, классы — все это термины, в которых только и возможно отразить сущность, направления, проявления, формы социального развития и человеческой деятельности. Здесь возникает новая, не менее сложная проблема.

Историк, как уже говорилось, наполняет абстрактно-теоретическое понятие конкретным содержанием. Его интересует не общество как таковое, а, допустим, феодальное общество Франции XII в. или мир германских народов накануне их Великого переселения и сокрушения Западной Римской империи. Он изучает не государство вообще, но механизм власти и управления, свойственный «самодержавству» Ивана Грозного или Первой империи Наполеона. Тем самым он находит свою «нишу» исследования в системе социальных наук. Но, заполняя ее, историк зависит от того понимания соответствующих общесоциологических категорий, которое он приемлет или отвергает.

Исследуя вполне конкретное общество, историк оперирует данным понятием, имея в виду его многозначность и придерживаясь одного из определений его смысла. Скажем, он полагает, что общество есть обособившаяся

часть природы, часть материального мира, представляю-
щая собой систему взаимодействия людей между собой и
с окружающим природным миром.

Рассматривая вполне конкретное государство, историк
определяет, какая из существующих концепций госу-
дарства им разделяется. От этого зависят результаты его
собственного исторического анализа. Понимание государ-
ства как совокупности людей, живущих на определенной
территории, имеющих признанное ими правительство и вы-
ступающих в качестве юридического лица в отношениях
с другими народами, сообщает исследованию одно направ-
ление. Взгляд на государство как на систему организо-
ванного насилия одного класса над другими, понятно, за-
ставляет историка пересмотреть исходные позиции, принци-
пы изучения конкретных государственных форм, политики,
проводимой от имени государства. Видение государства
как некой целостности управляющих и управляемых,
формирующей фиксированные формы взаимоотношений
между людьми и подчиняющей общество определенным
нормам взаимодействия составляющих его единиц, по-
ставит перед историком иные ориентиры и приоритеты.

На этом уровне, таким образом, выбор терминов и их
понимание в сущности определяются методологическими
позициями историка, его общесоциологической и философ-
ской концепцией.

Итак, история не имеет строгой и точной терминологии.
Исторические понятия многозначны, неопределенны,
относительны. «Это и есть наше слабое место» — готовы
повторить вслед за М. Блоком историки.

Но будем помнить и о другом. За историческими
терминами и категориями что-то стоит, они рождаются не
только сознанием историка, но и чем-то обозначаемым
ими. Это что-то и есть реальность прошлого, на познание
которой направлены усилия ученого. Выражая эту реаль-
ность в терминах, понятиях и категориях, пусть неточных
и многозначных, историк делает решающий шаг к ее
объяснению, интерпретации и пониманию.